

Среди книг

с Юрием Гириным

Мятежный дух Пабло де Роки

ПАБЛО ДЕ РОКА *Пульс мира – это мой пульс*. Стихотворения. Билингва / Переводы Е. Хованович, Н. Ванханен, В. Резниченко и М. Киеня-Мякинен. Предисл. Е. Хованович. – М.: Центр книги Рудомино, 2019

Однажды чилийский писатель Карлос Дрогетт написал о своем друге Пабло по прозвищу Камень: “El era un poeta solar y un forajido” (“Он был поэтом солнечным и мятежным”). Испанское слово *forajido* означает буквально “человек вне закона”, а *solar* – еще и “благородный”. И это очень точное определение жизненного и творческого облика Пабло де Роки, который во всем был выше всех законов и правил. Он был именно бунтарем, мятущимся духом – Люцифер во плоти, звездный гений мрака!

Пабло де Рока – этого имени давно не хватало нашему читателю. И, возможно, этот замечательный поэт еще долго отсутствовал бы на русском литературном горизонте, если бы не решительный жест составителей и переводчиков недавно вышедшего сборника его избранных и, пожалуй, лучших стихов. С изданием этого сборника историческая справедливость восстановлена.

Как верно отмечает в своем прекрасном предисловии Екатерина Хованович, чилийского поэта Пабло де Року (1894–1968), настоящим именем которого было Карлос Диас Лойола, не все и не всегда понимают и признают на родине. “Де Рока, без сомнения, один из тех чилийских поэтов, чье творчество вызывает наибольшие разногласия. Для одних он – лучший поэт, рожденный нашей родиной, для других – поэт второстепенный. Этот разноречивый придает особый масштаб фигуре одного из самых замалчиваемых и значительных испаноязычных поэтов XX века” – этими словами предвещает издание Матиас Сотомайор Хаймен, представитель чилийского Фонда Де Роки.

У нас де Рока оказался на долгое время заслоненным величественной фигурой его соотечественника и закадычного врага Пабло Неруды. В Чили было два знаменитых поэта по имени Пабло, равно приверженных левой идеологии и вступивших на поэтическое поприще практически одновременно в начале 1920-х. Один из них сразу обрел массу поклонников своей томной, меланхолической поэзией, другой же прослыл “боксером от поэзии”, по выражению знаменитого

чилийского кинорежиссера А. Ходоровски. Неистовый Пабло де Рока легко находил себе врагов и соперников: три великих чилийских поэта, Висенте Уйдобро, Пабло Неруда и Пабло де Рока, на дух не переносили друг друга и обменивались взаимными тягчайшими оскорблениями. Особенно усердствовал последний в своем разящем памфлете “Неруда и я” (1955), словно оправдывая свой литературный *nom de guerre*: ведь по-испански *Rokha* и *roca* — омонимы, равно отсылающие к увесистости камня. Камня, который летел в столь многих современников...

Осмелюсь утверждать, однако, что поэт Пабло де Рока мощнее и глубже своего великого соотечественника Пабло Неруды, этого “бесконечного человека” невероятной плодовитости. Единственное, в чем они сходятся, это всеохватность поэтического действия и беспредельность размаха в письме. А разнятся два Пабло во всем — монотонно-тягучий Неруда и яростно хриплый де Рока. Но оба — безоглядно новаторские в своем поэтическом языке, оба — вестники авангардистской поэтики в латиноамериканской литературе; оба — поэты многомерья и разностилья; оба одинаково вещны; и оба восходили по нарастающей: один — к едва ли не прозаической простоте, другой — к столь усложненной манере, что выводила его творения едва ли не за пределы поэзии. Но в историческом огляде они не соперники и не противоположности; они — взаимодополняющие фигуры авангардистского художественного поля.

Верно, что многие строки (очень многие!) обоих Пабло не поддаются ни пониманию, ни переводу — такова “Эпопея блюд и напитков Чили” (1949) де Роки, эта адская смесь из чилинизмов и авторских неологизмов; но верно и то, что даже в ранний, авангардистский период, поэт создает удивительно простые, человеческие, исполненные бесконечной нежности стихи — таков “Круговорот” (1925). Как бы то ни было, поэзия Пабло де Роки представляет собой тот случай, когда не “искусство должно быть понятно народу”, а, как верно звучало в оригинале, “искусство должно быть понято народом”. А как быть переводчику? В этом издании, впервые представляющем русскому читателю все регистры творчества чилийского поэта в максимально возможной полноте, счастливо сошлись адекватные многообразию оригинала крупные переводческие личности, сумевшие, каждый по мере своей индивидуальности, воспроизвести многослойность поэтического языка П. де Роки. В результате переводчикам удалось передать цельность художественного и человеческого облика поэта. И авторство переводчика легко узнается по стилистике стиха.

Наиболее органично звучат по-русски переводы Н. Ванханен, но они же и дальше всего отстоят от оригинала. Это естественно: Н. Ванханен — недюжинный поэт с собственным поэтическим дыханием и стилистикой, тяготеющей к русскому Серебряному веку. Поэтому нежным и прочувствованным стихам любви де Роки она сообщает еще больше чувства и неж-

ности, чем те, что с мужской скупостью и мужской же страстью выражал сам поэт.

Переводы Е. Хованович далеко не просты. Ее индивидуальной поэтической манере присуща некоторая тяжеловесность слога, которая, однако, пришла как нельзя более кстати для передачи усложненной стиховой материи чилийского поэта; и даже некоторые неточности перевода вполне созвучны небрежности и аграмматичности письма де Роки. В результате получился неожиданный эффект полного попадания в самую точку, и стилистика де Роки оказывается воспроизведенной поразительно адекватно. Это своеобразный переводческий дар. И, опять же, в силу особенности творческой манеры переводчика самые трудные, самые темные стихи чилийского поэта-авангардиста пришлось по руке именно Е. Хованович. Безусловной творческой удачей переводчицы можно считать первые публикуемого по-русски (как, впрочем, и другие стихотворения этого сборника) “Дьявола на коне” (1942). Трудно отказать от соблазна привести хоть малую часть этого захлебывающегося вопля, этого наползающего плетевая слов:

Среди сгустившихся миров,
 среди усопших, среди эпох,
 сочавшихся судьбой, среди
 нагромождения пузатых
 столетий, в зелёном масле
 вечности плыву за много тысяч
 стадий от себя,
 от самого себя, один.
 <...>

Не понимаю, ни каков я, ни
 где я, ни когда я, ни есть ли
 я, и я ли это или иной,

вселенский, скопившийся,
 упёртый в своих орлов;

<...>

что значит так писать, чтобы
 писать, что значит, если
 я не знаю, мёртв я или мёртв или
 я древний мёртвый
 смерд и пребываю в рабстве
 у ветхой восковой
 фигуры королевы?
 но нет, хватаю свою голову и сам
 швыряю львам;
 о ком я говорю, когда твержу,
 что сломанным ружьём
 бессмертие дерёт моё нутро?
 И т. д.

Отдельной строкой следует упомянуть переводы В. Резниченко, словно соединившего легкость пера Н. Ванханен с умением Е. Хованович управляться с тяжелыми глыбами и нагромождениями словесной материи. Переводы В. Резниченко блестящи. Он, как и М. Киеня-Мякинен, переведшая огромный пласт “Океании Вальпараисо” (1965), отличается наибольшей поэтической свободой и именно потому достигает наибольшего сближения с поэтикой автора.

Завершает сборник крайне необходимое для проникновения в поэтику П. де Роки “Послесловие переводчика”, написанное глубоко эрудированной М. Киеня-Мякинен, объясняющей, “откуда у де Роки эти непролазные строфы, лабиринты придаточных, километровые предложения, в которых сиротливое подлежащее напрасно дожидается сказуемого”.

Остается надеяться, что читатель с благодарным вниманием воспримет сборник переводов Пабло де Роки, столь кропотливо и тщательно подготовленный трудами специалистов.